

Einstein Studies in Russia / Eds. Yu. Balashov, V. Vizgin. Boston; Basel; Berlin: Birkhäuser, 2002. 314 p. (Einstein Studies. Vol. 10)

10-й том «Einstein Studies», посвященный судьбе эйнштейновских идей в России и СССР, служит одновременно своего рода противовесом от наступающей беды, а с другой доказывает, что с бедой не удастся справиться так просто. С одной стороны, Россия обладает богатейшим научным наследием, которое остается недостаточно известным в международных научных кругах (в этом ее можно было сравнить с Китаем), и можно только порадоваться тому, что круг работ российских историков науки, доступных англоязычному читателю, расширяется. С другой — «Einstein Studies in Russia» являются тревожным свидетельством того, что история физики внутри самой России переживает не лучшие времена и такое положение может продлиться и в будущем.

Зарубежный читатель «Einstein Studies in Russia», скорее всего, не знает, что исходное издание, многотомный «Эйнштейновский сборник», издававшийся регулярно с 1966 по 1992 гг., во многом как бы дополнял рецензируемую книгу — большая часть его объема была отдана переводам и публикациям известных исследователей творчества Эйнштейна, работающих вне России. Благодаря этому выбор статей для перевода на английский язык был не столь труден, как может показаться. Но, как признают сами редакторы, подготовка издания заняла много времени, и подбор статей, скорее, отражает взгляды авторов десятилетней давности, нежели сегодняшние, что может ввести читателей в заблуждение.

Так, решение открыть сборник статьей В. Я. Френкеля «Эйнштейн и

Фридман» представляется не вполне удачным. Оно было принято, по-видимому, еще до появления английского перевода френкелевской биографии Фридмана (написанной совместно с А. Троппом и А. Д. Черниным), которая была опубликована в 1993 г. После этого рассмотрение контактов между Эйнштейном и Фридманом представляется излишним ввиду того, что этот вопрос детально исследован в биографии. Кроме того, есть риск, что читатель раньше времени оставит чтение, ошибочно заключив, что архаичный стиль этой статьи — краткая хронология, дополненная архивными документами, воспроизводимыми полностью, — присущ также и остальным статьям. А между тем в сборнике есть и много оригинального и будоражащего мысль.

К сожалению, чутье еще раз подводит редакторов в случае со статьей Г. Е. Горелика, посвященной квазигруппам Пуанкаре. Горелик подбирает изощренные доводы, чтобы обосновать свою точку зрения на то, почему вплоть до настоящего времени квазигруппам Пуанкаре уделяется недостаточно внимания. Однако читатель, ожидающий глубокого исторического анализа, будет разочарован или хуже того — запутан этим специфическим философствованием. Эта статья заставила меня задуматься не столько о Пуанкаре или Нётер, сколько о московском семинаре по физике, в рамках которого эта тема впервые была затронута в 1980-е гг. Не вполне понятно, почему данный сборник был выбран в качестве места для возобновления этой не получившей завершения дискуссии.

Намерения Горелика хорошо соответствовали изначальному духу «Эйнштейновского сборника». Чтобы почувствовать это, нужно принять во внимание смешение жанров, характерное для издания в целом: первый редактор «Сборника», И. Е. Тамм, не собиравшись ограничиваться публикацией только оригинальных документов и строго исторических статей. Кроме того, многие статьи из оригинальной серии в настоящее время устарели или, как в случае с Я. Б. Зельдовичем и В. Л. Гинзбургом, переизданы где-то еще. Более того, ценные исторические очерки вроде статьи В. П. Визгина, посвященной восприятию волновой механики в СССР, и совместной с Гореликом статьи об отношении советского физического сообщества к теории относительности уже доступны на английском языке, что еще более сузило круг статей, подходящих для перевода.

При выборе статей Визгина и Френкеля о В. К. Фредериксе, Горелика о Германе Вейле и больших числах в релятивистской космологии и в двух статьях А. Б. Кожевникова редакторы лучше справились со своей задачей. Зарубежный читатель оценит краткую биографию одного из наиболее известных русских сподвижников Эйнштейна, о котором в англоязычном мире мало что известно сверх того, что имеется в статье Френкеля, написанной для «Словаря научных биографий» (*Dictionary of Scientific Biography*). Сжатая статья Горелика о Вейле написана в лучших традициях когнитивной истории науки. Работа Кожевникова по эйнштейновской флуктуационной формуле и квантовой электродинамике Дирака была начата в 1980-х гг. и отличается теми же достоинствами. Статьи Кожевникова — больше чем переводы; его взгляды претерпели значительную эволюцию с тех пор как он стал работать за рубежом.

Хотя скрупулезное перечисление имен физиков, принимавших участие в коллоквиуме Эйнштейна в Цюрихе, дополненное списком разговоров, которые они вели, с указанием их дат, делает статью Б. Е. Явелова довольно скучной, ее центральная идея заслуживает самого пристального внимания. Западные историки физики гораздо дольше, чем Явелов, держались за образ Эйнштейна как олицетворения одинокого мыслителя, ученого-философа, реконструирующего мир из его первоначал. Большой заслугой Явелова является то, что, тщательно проанализировав доступные ему источники, он продемонстрировал как глубоко Эйнштейн был вовлечен в жизнь физического сообщества. Жаль, что не была также переведена и его превосходная статья об Эйнштейне и проблеме сверхпроводимости.

Включение в сборник великолепной статьи Ю. В. Балашова «Законы физики и вселенная» является, может быть, лучшим доказательством того, что дальнейшее издание сборников, подобных рассматриваемому, излишне. Краткая версия этой работы уже была опубликована в «*Studies in the History and Philosophy of Science*», и выход сборника просто дал Балашову возможность более полно изложить свои аргументы и довести текст до совершенства. Это стало возможно отчасти благодаря тому, что написание этой статьи заняло много времени, в течение которого автор имел возможность обсудить многие вопросы с коллегами в и, особенно, вне России.

Следует отметить, что большинство авторов этого сборника в настоящее время работают за пределами России и поэтому заинтересованы в публикации своих трудов прежде всего на западноевропейских языках. От этого, может, выигрывает международное научное сообщество, однако такое положение дел вызывает опасение за судьбу молодых российских уче-

ных, не обладающих возможностями для карьерного роста дома или за рубежом. Короче, этот прекрасный сборник вызывает тревогу за судьбу изучения эйнштейновского наследия в России.

Сборник «*Einstein Studies in Russia*»

прекрасно издан и, безусловно, станет важным источником информации для будущих поколений исследователей.

К. Холл

(перевод с английского
О. П. Белозерова)

Главацкий М. Г. Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 223 с.

В августе–сентябре 1922 г. по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева и других городов в административном порядке были высланы за границу и частично в северные губернии России «активные контрреволюционные элементы» из среды «неудобной» интеллигенции — ученые, врачи, агрономы, литераторы, журналисты. Поскольку среди инакомыслящих особо выделялись философы, возникло нарицательное словосочетание «философский пароход». Под этим названием эта акция и вошла в историю.

Тема насильственного изгнания интеллигенции около 70 лет находилась в СССР под полным запретом, хотя за рубежом в эмигрантской прессе регулярно публиковались воспоминания деятелей науки и культуры, высланных в 1922 г.: Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина, М. А. Осоргина, Б. И. Харитона, Н. О. Лосского, М. М. Новикова, А. С. Изгоева и др.

Для российского читателя эта тема стала приоткрываться только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда в журнале «Вопросы философии» (1990. № 9. С. 37–66) была перепечатана солидная статья историка-диссидента, эмигранта «третьей волны» М. Геллера под названием «Первое предостережение — удар хлыстом». Впервые статья была опубликована в 1978 г. в Париже в журнале «Вестник русского христианского движения» (№ 127. С. 187–232). После этого на

тему изгнания «накинулись» публицисты и литераторы. И только вслед за ними эстафету подхватили историки, получившие возможность ввести в научный оборот материалы «закрытых» архивов (Ю. Голанд, Т. Красовицкая, С. Хоружий, В. Костиков, С. Красильников, В. Соскин и др.). Книга М. Е. Главацкого — одна из последних в хронологическом списке научных трудов на эту тему.

Несколько слов об авторе. Михаил Ефимович Главацкий — доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета. Он — один из руководителей проблемного совета Минобразования России «Политическая культура и интеллигенция. Ее роль и место в истории отечества» и руководитель научного центра «XX век в судьбах интеллигенции». С именем Михаила Ефимовича связано выделение в исторической науке целого научного направления — «историографии интеллигентоведения». Его труды в этой области признаны новаторскими многими российскими и зарубежными учеными.

В распоряжении М. Е. Главацкого оказались редкие документы из засекреченных ранее архивных фондов (ГАРФа, Архива Президента РФ, Центрального архива ФСБ РФ) и спецхранов библиотек. Им впервые была предпринята попытка проанализировать всю имеющуюся в наличии литературу о высылке в 1922 г. из России инакомыслящей интеллигенции. Особое ме-

сто в работе заняли ответы на вопросы, на которые раньше не было ответа или по которым историки высказывали полярные точки зрения. Так, М. Е. Главацкий пишет: «Мы до сих пор не знаем ни численности, ни состава включенных в списки кандидатов на изгнание и лиц, оказавшихся на чужбине. Мы так и не можем решить, считать ли депортацию самым позорным деянием большевиков или ее следует рассматривать как “предусмотрительную гуманность”. Почему не состоялся диалог между интеллигенцией и большевицкой властью в 1922 г.? Каковы истинные причины экспатриации? Можно ли считать, что идея высылки за границу принадлежала лично В. И. Ленину?.. Какие уроки можно извлечь из высылки инакомыслящих?» (с. 6). В своей книге М. Е. Главацкий не только дает ответы на все вышеперечисленные вопросы, но и, что особенно важно, иллюстрирует их соответствующими документами.

Автор с самого начала был убежден, что только такой историографический подход даст читателю уникальный шанс самостоятельно осмыслить проблему взаимоотношений интеллигенции и власти в 1922 г. По мнению М. Е. Главацкого, «экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим. Они не хотели «придерживать» свои убеждения или менять их, они думали, писали и говорили так, как велела им совесть, оставаясь свободными в условиях крепнущей несвободы. Независимым словом они пытались убедить в своей правоте, чем бы это ни оберну-

лось для них лично. Взаимоотношения между ними и властью можно выразить одним словом — несовпадение. В чем? В различном отношении к Слову. Свободному слову» (с. 24–25).

Такие исследовательские подходы М. Е. Главацкого нашли отражение в структуре книги. Она включает четыре этюда, каждый из которых имеет свое специфическое документальное «наполнение». Этюд первый — «В начале было слово» — содержит, например, документы, лекции, печатные труды высланных. Здесь и фрагмент лекции Н. А. Бердяева «...Не удастся никогда социализм», прочитанной им в Вольной академии духовной культуры в 1920 г.; фрагмент из эссе Е. Замятина «Я боюсь» (1921) «...Если писатель должен быть благоразумным... тогда нет литературы»; фрагмент из передовой статьи журнала «Летопись Дома литераторов» (1922) под названием «О допущении свободного обмена идей по любому вопросу»; статья «От редакции» из журнала «Экономист» (1922. № 1. С. 3–4), из которой приведена цитата: «Мы будем выслушивать различные мнения и приводить различные оценки»; фрагмент из выступления П. А. Сорокина «Поспешив, мы очутились не в XXII столетии, а в XVIII веке» (Речь на торжественном собрании в день 103 годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 // Утренники. 1922. Кн. 1. С. 10–13) и цитата из его статьи «Заветы Достоевского» (1922) «...Без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя» (Артельное дело. 1922. № 17–20. С. 4–6) и другие.

Этюд второй — «Извольте быть благонадежны» — напротив, содержит высказывания оппонентов выслаемых: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина. В арсенале автора книги есть немало документов, которые отражают основную линию политики лидеров партии боль-

шевиков: «Во-первых, они постоянно говорили (и делали это), что будут поддерживать те группы интеллигенции, которые готовы безоговорочно сотрудничать с властью Советов. Во-вторых, предупреждали людей интеллектуального труда, что не допустят существования оппозиции, что свобода творчества возможна только в «рамках нашего режима»» (с. 61).

«Идею высылки, — пишет М. Е. Главацкий, — мало было изобрести. Надо было ее теоретически обосновать» (с. 69). И далее в этой же главе автор выстраивает картину из ленинских документов, датированных мартом-маем 1922 г. и рассмотренных в хронологическом порядке. Так, например, в письме от 15 мая 1922 г. В. И. Ленин в письме наркому юстиции Д. И. Курскому предлагает дополнить Уголовный кодекс правом «...замены расстрела высылкой за границу по решению президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно)», а также «добавить расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы» (с. 71). А в письме от 19 мая 1922 г. Ф. Э. Дзержинскому Ленин пишет: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим... Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (с. 71–72).

На просьбу Ленина от 19 мая 1922 г. поручить сбор сведений об интеллигенции «толковому, образованному и культурному человеку в ГПУ» для этой работы был выделен Я. С. Агранов — «особоуполномоченный чекист, надзирающий за искусством».

Особенно грязными высказываниями в адрес изгоняемых в центральной печати отличился Л. Д. Троцкий. Своим мальчиком для битья он выбрал критика Ю. И. Айхенвальда. В статье

«Диктатура — где твой хлыст?», опубликованной 2 июня 1922 г., Троцкий поражает словесной несдержанностью, общим разнузданным тоном, прямыми оскорблениями. Вот как, например, он отзывался об Айхенвальде: «Это философский, эстетический, литературный, религиозный блюдолиз, то есть мразь и дрянь» (с. 83). И в конце статьи Троцкий предлагает «хлыстом диктатуры пролетариата заставить айхенвальдов убраться к черту, в тот лагерь содержантства, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией» (там же). Такого рода критика носила заказной характер — необходимо было найти новый образ врага революции в лице интеллигенции и подготовить к расправе с ней общественное мнение.

Этюд третий назван в книге «Выезжайте, господа!». Этюд четвертый — «Вместо заключения».

Идею изгнания идеологических оппонентов нельзя считать изобретением большевиков. Ее вообще не надо было изобретать, считает М. Е. Главацкий, поскольку она практиковалась с древних времен. «Еще задолго до нашей эры в Афинах проводится форма голосования (она получила название ostracisma) при решении вопроса об изгнании на 10 лет лиц, признаваемых опасными для существующего государственного строя. История сохранила имена людей, высланных гражданами и правителями в разные годы из разных стран. Это Анаксагор и Эмпедокл — из Афин и Агригента, Овидий — из Рима, Данте — из Флоренции, Спиноза — из Амстердама и др. Примечательно, что среди изгоняемых в те годы преобладали философы» (с. 90–91). Царский режим широко применял административную высылку и ссылку в отношении к представителям политической оппозиции и зачастую численность административно высланных и ссыльных существенно превышала численность осужденных по су-

ду (С. А. Красильников, 1994; цит. по: М. Е. Главацкий, с. 91). Некоторые лидеры большевиков при царской власти испытали на себе эту форму репрессий.

В качестве одного из главных поводов для изгнания интеллигенции в 1922 г. многие историки называют неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в процессе борьбы с голодом. Комитет помощи голодающим (Помгол) был утвержден в июле 1921 г. декретом ВЦИК. Из 73 членов комитета 12 представляли советское правительство (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и др.), а 61 — русскую общественность (профессора С. Н. Прокопович и Н. Д. Кондратьев, председатель Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримов, писатели А. М. Горький, Б. К. Зайцев и М. А. Осоргин, бывшие кадетские деятели Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова и др.). Комитету был присвоен знак Красного Креста. Ему предоставлялось право приобретать в России и за границей продовольствие, собирать пожертвования, открывать за границей отделения и командировать туда своих уполномоченных. Автономия комитета закреплялась освобождением «от ревизии Рабоче-крестьянской инспекции». По мнению М. Геллера, ни до ни после ни одна общественная организация не получала таких прав (цит. по: М. Е. Главацкий, с. 13–14). Однако комитет уже в конце августа был ликвидирован, а его наиболее активные члены, представлявшие общественность, арестованы и через год высланы за границу. Между изгнанием и роспуском комитета было много общего. Так, например, в обоих случаях обвинения против комитета и экспатриантов 1922 г. сводились к их антисоветской деятельности. «Преступлением, — отмечает М. Геллер, — было и непонимание того, что спасение от голодной смерти

силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом *политическим*» (там же, с. 15). Другими словами, преступлением считалось само существование комитета, стремившегося объединить всех, кто мог содействовать спасению от голода, и становившегося таким образом центром возрождения общественности. Это власти допускать не хотели.

Существует также большое сходство в инструктивных указаниях В. И. Ленина — высмеивать и травить — по «обработке» общественного мнения в 1921 г. (при ликвидации Помгола) и в 1922 г. (при подготовке изгнания). Даже лексика совпадает буквально: «очистить Москву от кулишей» (1921) и «очистим Россию от инакомыслящих интеллигентов» (1922) (с. 15).

Все исследователи истории «философского парохода» единодушны в том, что детонатором, ускорившим изгнание инакомыслящей интеллигенции из России, стала серия состоявшихся в 1922 г. всероссийских съездов интеллигенции. Вот их краткий перечень: Всероссийский агрономический съезд (март), Всероссийский съезд врачей (май), I Всероссийский геологический съезд (май), Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации (октябрь). Все съезды оказались в поле пристального внимания сотрудников ГПУ, поскольку, как и ожидалось, именно здесь власти столкнулись с открытой критикой своей социально-экономической политики со стороны ученых.

«О том, сколь острым и бурным был в 1922 году вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции, свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП (б) около 30 раз обсуждало меры по их депортации, закрытии печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельнос-

ти» (с. 150). Существовало несколько параллельно разрабатывавшихся списков: московский, петроградский, украинский. На 3 августа 1922 г. в украинском списке числилось 77 человек, на 23 августа в московском — 67 человек, в петроградском — 30 человек, итого 174 человека. По подсчету В. Л. Соскина, в списках числилось всего 197 человек. Список высылаемых был разбит на разделы. Сначала перечислялись профессора московских вузов — 21 человек, затем деятели издательства «Берег» и «группы Абрикосова» — 6 человек, агрономы и кооператоры — 13, инженеры — 6, литераторы — 12. Здесь очень много звучных имен, в том числе Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. А. Кизеветтер, Ю. И. Айхенвальд, М. А. Осоргин. Дополнительный список содержал 8 фамилий, включая Ф. А. Степуна. В петроградском списке 51 фамилия, среди прочих П. А. Сорокин, А. С. Изгоев, Б. Д. Бруцкус, Е. И. Замятин, Л. П. Карсавин, С. И. Булгаков и Н. О. Лосский.

Списки постоянно подвергались корректировке. Пакет документов поступал также на имя И. В. Сталина. М. Е. Главацкий пишет, что когда он просматривал протоколы Политбюро за 1922 г., ему бросилось в глаза, что «все без исключения заседания вел И. В. Сталин. На каком-то из них по тем или иным причинам мог отсутствовать Ленин, на другом — Зиновьев, на третьем — Троцкий. А вот Сталин неизменно присутствовал» (с. 149).

Как известно, подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа

1922 г. лидеры большевиков приоткрыли завесу. Так, Л. Д. Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайант-Рид (жене Джона Рида) 30 августа 1922 г., разъясняя причину акции, откровенно проговорился: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военнополитической агентурой врага. И мы будем расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период высылать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» (Правда, 30 августа 1922 г.; цит. по: М. Е. Главацкий, с. 215).

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя книга М. Е. Главацкого ориентирована прежде всего на историков русского зарубежья и на преподавателей этого курса в вузах, она, несомненно, будет полезна широкому кругу специалистов и особенно всем тем, кого волнует судьба интеллигенции в России.

Рецензия написана в ходе работы по гранту РГНФ «Российская научная эмиграция в США в XX в.» (код проекта 02-03-18331а).

Т. И. Ульянкина

Science in Context. 2002. Vol. 15. No. 2 (Special issue: Science in Russian Contexts, guest editor A. Kojevnikov, in collaboration with S. Gissis)

Представляемый вниманию читателя том отражает современное состояние исследований, посвященных российской науке, и знакомит с группой

историков, сумевших преодолеть господствовавшую ранее парадигму «репрессированной науки». А. Кожевников пишет в своем вступлении: «Мы

рассматриваем науку и ученых не просто как жертв, но как важных и активных участников советской политической жизни» (с. 179). Авторы полностью отдают себе отчет в том, что взяли на себя смелость интерпретировать советскую науку в терминах социал-конструктивизма. По словам все того же Кожевникова, «для некоторых более знающих коллег этот подход казался слишком похожим на известное положение марксизма о том, что науки, включая абстрактные, являются продуктом общественных отношений. Они правы: обязательный курс марксистской философии, который я прослушал в университете, оказался очень полезным введением в современную англоязычную литературу по социал-конструктивизму» (с. 179–180). Среди задач этого весьма амбициозного проекта — включение российских наработок в общую историю науки и техники, а также демонстрация «досоветских корней» советской науки и создание сравнительной истории советской науки, выходящей за рамки «широких, но примитивных обобщений» (с. 182).

Статьи расположены примерно в хронологическом порядке. Открывающая сборник работа «Литература, музыка и наука в русской культуре XIX в.: князь В. Ф. Одоевский и его поиски натурального энгармонического звукоряда», принадлежащая Д. Баюку, — единственная статья, касающаяся сугубо досоветских времен. Ее автор пытается показать, что искусства, преобладавшие в России XIX в., способствовали пробуждению интереса к естественным наукам и, в конечном итоге, их развитию. Он излагает историю князя Одоевского, который, пытаясь ухватить специфические черты русской народной музыки и объединить в одной музыкальной системе национальную уникальность с научными законами, сконструировал энгармоническое пианино (с девятнадцатью кла-

вишами в октаве). Смело пересекавший междисциплинарные границы, Одоевский явился прототипом ученого-дилетанта, сыгравшего огромную роль в формировании нового научного знания.

В статье «Семена для революции: становление русской сельскохозяйственной науки, 1860–1920» О. Елина переосмысливает вклад государства в развитие научно обоснованных приемов управления сельским хозяйством. В частности, она утверждает, что после Октябрьской революции советское государство просто продолжило поддержку ранее существовавших научных сельскохозяйственных структур, а не создало какие-то новые. Объясняется это тем, что хотя основы научного сельского хозяйства были заложены частными предпринимателями, сложившаяся до революции земская модель соответствовала советской идеологии. Большевики конфисковали помещичьи владения, но предоставили существующим научным учреждениям статус «национального достояния», что позволило им претендовать на государственную поддержку. И хотя Елина упоминает о важности просветительской программы, направленной на распространение сельскохозяйственных знаний и агрономических методов, из ее собственного анализа вытекает, что основным побудительным мотивом для поддержки сельскохозяйственной науки и до, и после Октябрьской революции было повышение продуктивности сельского хозяйства с помощью научной модернизации.

Статья А. Кожевникова «Великая война, русская Гражданская война и Большая наука» является портретом науки, ведущей отсчет от эпохи российского капитализма. Советская наука была уникальным явлением, подобного которому не было ни в одной индустриально развитой стране мира, и все же, как показывает Кожевников, в своем развитии она следовала не-

которым общемировым тенденциям. Моделью для нее послужила централизованная система планирования и управления экономикой, сложившаяся в Германии перед Первой мировой войной, и те же принципы были воспроизведены в России еще до того, как революционное правительство большевиков объявило их атрибутами науки социалистической. В период Гражданской войны большевики поддерживали идею отделения исследовательской работы от преподавания и, несмотря на то, что многие ученые перешли в менее политизированные исследовательские учреждения, начали назначать на университетские должности лояльных им преподавателей. То, что после Второй мировой войны получило в США название «Большой науки», — утверждает Кожевников, — во многих отношениях сравнимо с хронологически более ранней «социалистической наукой», которая, в свою очередь, зародилась еще до большевистской революции.

Статья К. Россиянова «За пределами вида: Илья Иванов и его работы по скрещиванию человека с человекообразными обезьянами» возбуждает в читателе любопытство, однако, судя по всему, доказательств того, что такие эксперименты на самом деле имели место, не существует. Автор демонстрирует, как подобная идея находила оправдание и поддержку не только у большевиков, которые рассматривали дарвинизм в качестве средства антирелигиозной пропаганды, но и в западных странах, владеющих заморскими колониями, и ставит ряд интересных вопросов, имеющих отношение к расовым и колониальным проблемам. Россиянов показывает, что даже простое знакомство с этой историей поднимает этические вопросы: читатель осознает, как трудно с позиций логики обосновать недопустимость подобных экспериментов и не встать на сторону поборников «органицистской» интерпретации общества, — и

в этом, по моему мнению, состоит одно из достоинств статьи.

В статье «Наука после Сталина: создание нового образа советской науки» К. Иванов прослеживает изменения во взаимоотношениях между наукой и ее идеологическим окружением в 1950 — 1970-х гг. Он пытается показать, как ученые, особенно физики-ядерщики, пытались использовать свое политическое влияние для того, чтобы стабилизировать эти отношения или даже направить их в более выгодное для науки русло. Иванов подчеркивает, что ученые добились успеха на этом поприще не сопротивляясь или оппонируя власти, а подчеркивая свою значимость как «сознательных и лояльных членов советского общества» (с. 318). Изменяя отношения между наукой и промышленностью благодаря подчеркиванию необходимости развития фундаментальных исследований (и при этом тщательно избегая «буржуазного» термина «чистая наука»), советские ученые сумели создать новый образ науки как массовой профессии, которую больше не подозревали в элитарности: она стала, скорее, частью экономического «базиса». Наконец, Иванов указывает, что практически в то же время наука в США претерпела радикальное идеологическое превращение: концепция «чистой науки» потеряла свою привлекательность, уступив место образу науки, «связанной с обществом и откликающейся на его нужды» (с. 335), — образ, который автор считает «по сути марксистским».

Завершает специальный выпуск работа В. Геровича «Любовь-ненависть к человеко-машинным метафорам в советской физиологии: от Павлова к “физиологической кибернетике”», отражающая взаимодействие кибернетики с другими научными дисциплинами и властными структурами. Сравнивая советские и американские физиологические модели, основанные

на принципе обратной связи, он показывает, что в то время как в СССР такие модели считались несовместимыми с теорией условных рефлексов Павлова, западные кибернетики типа Н. Винера, напротив, считали, что их теории основаны на павловской традиции и полностью с ней совместимы. Советские критики кибернетики игнорировали традицию использования аналогий между человеком и машиной в русской и советской физиологии, равно как и изменения оттенков значения этих метафор, мигрирующих из одной дисциплины в другую. А между тем «технические устройства подражают функциям человеческого тела, в то время как организмы часто описываются в технических терминах, после чего новые машины уже выглядят основанными на «механизмах» функционирования таких технически интерпретированных организмов и т. д.» (с. 367). Герович убедительно по-

казывает, что такой «киберяз» сыграл решающую роль в преобразованиях 1950-х и 1960-х гг. и даже помог некоторым находящимся в опале научным направлениям отстоять свое право на существование.

Подводя итоги, можно констатировать, что рассмотренный выпуск «Science in context» послужит для англоязычного читателя хорошим источником информации о современном состоянии историко-научных исследований в России. Его авторам удалось сравнить развитие науки в СССР и на Западе, сохранив научную строгость, и представить ряд очень интересных исследований, охватывающих период начиная с досоветских времен и кончая хрущевской оттепелью, избежав при этом господствующей парадигмы «репрессированной науки».

С. Шмид

(перевод с английского
О. П. Белозерова)